

Тихореченские
тайны.
Книга 4

Облепиховый ДЖЕМ и ложное алиби

Иногда
правда прячется
там, где её
не ищут...

Вера Калинина

Облепиховый джем

и ложное алиби

<https://litres.ru/74351864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь. Холодные туманы над Волгой. Облепиха поспела.

Полина Медведева варит первую партию облепихового джема с апельсиновой цедрой и принимает новых гостей: московского инвестора Марка Вершинина и его помощника Виктора Ремезова. Они приехали строить туристический комплекс на набережной. Проект «Волжские террасы» обещает золотые горы — но старым купеческим домам грозит снос. Среди них — дом реставратора Антона Краснова, человека, который стал для Полины больше, чем просто соседом.

Антон находит в своём подвале загадочную арку с клеймом «Р.М.» — вход в подземный ход, построенный купцом Рябининым больше ста лет назад. А на следующее утро Полина обнаруживает на его веранде тело Ремезова. Рядом — ветка облепихи и пропавший молоток Антона. Все улики указывают на реставратора. Но Полина знает: Антон невиновен. И у неё есть три дня, чтобы доказать это — пока дело не ушло в область.

Вера Калинина

Облепиховый джем

и ложное алиби

ОБЛЕПИХОВЫЙ ДЖЕМ И ЛОЖНОЕ АЛИБИ

Серия «Тихореченские тайны», Книга 4

Автор: Вера Калинина

Глава 1. Облепиха поспела

Облепиха в этом году поспела поздно — к середине октября, когда все нормальные ягоды уже давно сварились и стояли в банках. Малина отошла в июле, вишня — в августе, крыжовник — в сентябре. А облепиха — нет. Облепиха вообще никуда не торопится. Она висит на ветках до последнего — оранжевая, тугая, кислая — и ждёт. Не холодов ждёт, не первого заморозка. Ждёт, когда у хозяйки дойдут руки.

Я вышла в сад в семь утра, когда туман ещё лежал на траве — плотный, белёсый, похожий на простоквашу. Октябрь в Тихоречье начинается именно так: не с календаря, а с первого тумана над Волгой. Воздух был колючим — тем особым осенним холодком, который пахнет прелой листвой, речной водой и чем-то ещё, неуловимым. Может быть — временем. Бабушка говорила: «Осень пахнет временем, По-

линочка. Лето пахнет жизнью. А осень — тем, что прожито».

Кусты облепихи росли вдоль забора — четыре штуки, старые, раскидистые, посаженные бабушкой лет сорок назад. Ветки гнулись под тяжестью ягод — оранжевых, плотно сидящих на колючках, как будто приклеенных. Я надела плотные перчатки (бабушка вязала их специально для облепихи — из грубой шерсти, с двойным слоем на пальцах) и принялась за работу.

Собирать облепиху — то ещё удовольствие. Ягоды сидят так плотно, что их не снимешь — только срезаешь целыми гроздьями. Ветки колются даже сквозь перчатки. Через десять минут пальцы начинают ныть. Через двадцать — спина. Через полчаса ты уже ненавидишь эту ягоду всеми фибрами души. Но потом смотришь на ведро — а там оранжевое золото, солнечное, яркое, как будто осень собрали в одну посудину. И понимаешь — оно того стоило.

Бабушка говорила: «Облепиха, Полиночка, — ягода честная. Кислая — значит, кислая. Никакого обмана. Сладкое клубничное варенье легко испортить лишним сахаром. А облепиховый джем испортить невозможно — он уже идеален. Просто не все это понимают».

Я набрала полведра — килограмма три, не меньше. Ягоды были тугие, оранжево-жёлтые, с лёгким восковым налётом, который пачкал перчатки. Запах от них шёл терпкий, чуть маслянистый — облепиха пахнет иначе, чем другие ягоды. Не сладко, а скорее аптечно, серьёзно. Как лекарство, кото-

рое на самом деле — лакомство.

В доме было тепло. Батареи булькали и вздыхали, как старик, который не хочет вставать с постели, но вынужден. Отопление дали на неделю позже обычного — в Тихоречье всё давали на неделю позже, это была местная традиция, неписаная, но неукоснительная. Я высыпала облепиху в дуршлаг, промыла под краном. Холодная вода обожгла пальцы. Ягоды стучали о металл — глухо, плотно.

— Тимофей, — сказала я, не оборачиваясь, — если ты сейчас прыгнешь на стол, я за себя не ручаюсь.

Кот замер. Лапа, уже занесённая над краем столешницы, повисла в воздухе. Тимофей посмотрел на меня — долгим взглядом жёлтых глаз, в котором читалось глубокое философское несогласие с моей позицией. Потом медленно, с достоинством, опустил лапу обратно на пол. Третья попытка за утро. И третье поражение.

— Спасибо, — сказала я.

Кот дёрнул ухом. «Пожалуйста» в его исполнении выглядело как «Я просто передумал. Это не уступка». Он отошёл к подоконнику, вспрыгнул — грациозно, как будто и не весил восемь килограммов — и уселся, обернув хвостом лапы. Вид у него был такой, будто он лично отвечает за погоду и недоволен результатом.

Я стояла у плиты, перебирала облепиху и думала о том, что октябрь — странный месяц. Не лето, не зима. Переходный период. Время, когда всё решается: успеешь собрать —

будет джем. Не успеешь — ягода уйдёт под снег. И не только ягода. В октябре вообще многое решается. Для меня — особенно. Третья книга моей жизни в Тихоречье закрылась в сентябре, вместе с крыжовенным вареньем. Четвёртая открывалась сейчас — вместе с облепихой. И я пока не знала, что в ней будет. Кроме джема.

Я засыпала сахар в медный таз — бабушкин, с деревянной ручкой и зелёной патиной на боках. Три поколения женщин мешали в этом тазу варенье. Моя рука была третьей. Иногда я думала: а будет ли четвёртая? И от этой мысли становилось одновременно грустно и спокойно. Грустно — потому что своих детей у меня не было. Спокойно — потому что рецепты не пропадут. Они уже записаны. В тетради, в банках, в памяти.

Я добавила апельсиновую цедру — тонкую, срезанную острым ножом, без белой горькой подложки. Бабушка учила: «Цедру режь тонко, Полиночка. Белое горчит, и вся облепиха пропадёт. А облепиху жалко — она долго растёт».

Запах поплыл по кухне — терпкий, с цитрусовой нотой, густой, как октябрьский туман над Волгой. Я помешивала деревянной ложкой — той самой, бабушкиной, с выжженным на ручке цветком. Ложка знала своё дело: она мешала варенье тридцать лет и могла бы, наверное, сама написать книгу рецептов. Если бы умела писать.

За окном Волга и вправду была в тумане — сером, плотном, сквозь который едва угадывался противоположный бе-

рег. Где-то там, в Заречье, у мамы, наверное, уже топили печь. Мама всегда топила печь рано — «октябрь не июль, дочка, в октябре тепло только от печки и от любви». От любви — это она про папу. Папы не было третий год, а печку мама топила всё равно. Привычка. Или память. Или и то, и другое.

Тимофей чихнул. Облепиховая пыльца, наверное. Или апельсиновая цедра. Или просто — кот давал понять, что пора бы и честь знать с этими кулинарными экспериментами.

— Ничего, — сказала я коту, — джем сварим. Зиму переживём.

Кот посмотрел на меня с выражением «переживём — это хорошо. Но хотелось бы ещё и поесть».

Я налила ему молока в голубое блюдо — бабушкино, с трещиной, но Тимофей признавал только его. Кот принялся лакать с достоинством пёра, принимающего дань. Я вернулась к джему.

Помешивая, я думала о том, что этот октябрь — особенный. Не потому что облепиха поздняя. Не потому что отопление дали на неделю позже обычного. А потому что в воздухе пахло переменами. Или это просто апельсиновая цедра. Сложно сказать. В Тихоречье запахи часто обманывают. Или, наоборот, говорят правду, которую ты пока не готова услышать.

Телефон зазвонил, когда джем как раз дошёл до стадии «помешивать не переставая». Я прижала трубку плечом к

уху.

— Полиночка! — Мамин голос звучал так, будто она только что пересекла финишную черту марафона и теперь требовала медаль. — Ты джем варишь?

— Доброе утро, мама.

— Я чувствую! У меня обоняние обострилось с годами. Ты апельсин добавила?

— Цедру.

— Правильно! Бабушка всегда добавляла цедру! — Пауза. — А ты знаешь, что в Тихоречье инвестор приехал?

Я перестала помешивать.

— Какой инвестор?

— Московский! — Мама явно наслаждалась ролью главного информационного агентства Заречья. — Фаина звонила. Говорит — мужчина видный, седой, в хорошем пальто. Хочет построить туристический комплекс на набережной. Гостиницы, рестораны, причал для теплоходов. Фаина говорит — у него денег больше, чем у Зубова связей. А у Зубова связей — ты знаешь...

— Знаю, — перебила я. — Мама, а при чём тут набережная?

— Как при чём? — Мама даже обиделась. — Набережная — это где твой дом! И дома эти старые — их же снесут! И «Рябиновый двор» — тоже!

Я опустила ложку. Джем тихо булькал. За окном проплыл теплоход — последний в этом сезоне, с туристами, которые

махали руками невидимым адресатам на берегу. Навигация закрывалась через неделю. После этого Волга останется пустой — только рыбаки да редкие баржи.

— Мама, никто не собирается сносить «Рябиновый двор».

— Ты так уверена? — Голос у мамы стал тревожным. — Фаина говорит — он уже встречался с Зубовым. И с Козловым. И с какими-то архитекторами из Москвы. Полиночка, ты бы узнала. Ну, по-соседски. Пригласи его в гостевой дом. У тебя номер три пустует. С видом на Волгу.

Я вздохнула. Мама была права — с практической точки зрения. Номер три действительно пустовал вторую неделю. Октябрь — не сезон. Художница Майя жила в мансарде (номер пять), пожилая пара из Самары — в номере четыре. А номера один и три пустовали. Для гостевого дома в октябре это было нормально. Но для моего бюджета — не очень.

— Я подумаю, — сказала я.

— Думай быстрее! Пока он не поселился в «Волжском уюте»! А они после той августовской истории притихли, но всё равно — конкуренты! Гостей переманивают!

— Мама, мне нужно джем мешать.

— Мешай! Но сначала позвони Фаине. Она знает его телефон.

И мама положила трубку. Тимофей посмотрел на меня с выражением, которое я расшифровала как: «Твоя мама могла бы управлять небольшой страной. Жаль, что ей досталось только Заречье».

Я снова взялась за ложку. Джем булькал — оранжевый, густой, с вкраплениями цедры. Капля на блюде не растекалась — держалась, светилась янтарным светом. Готово. Бабушка говорила: «Джем — не варенье, Поляночка. Варенье течёт. Джем — держит. Ему нужно больше сахара. Больше терпения. И правильный момент».

Инвестор на набережной. Туристический комплекс. Снос домов.

Я помешивала джем и думала: правильный момент — это когда?

* * *

Я разлила джем по банкам — шести штукам, четырёхсотграммовым. Банки стояли на подоконнике, пропуская сквозь себя утренний свет. Цвет получился идеальный — тёмно-оранжевый, с золотистым отливом, прозрачный до доньшка. Кусочки цедры плавали в джеме, как маленькие солнышки. Я наклеила этикетки, написанные от руки: «Облепиховый джем. Октябрь. Рябиновый двор». Почерк у меня был не такой красивый, как у Антона, но разборчивый.

Антон. Я подумала о нём — и тут же почувствовала то самое тепло, которое появлялось теперь каждый раз при мысли о реставраторе с вечно испачканными руками. После сентябрьской истории мы стали ближе — гораздо ближе. Он по-прежнему приходил каждый день, и мы по-прежнему делали вид, что он приходит проверить балку, наличники, лестницу, трубы и вообще всё, что может нуждаться в проверке.

Но теперь между нами было что-то ещё. Что-то, что мы оба пока не называли вслух.

Антон появился на веранде ровно в десять. Я услышала его шаги по гравию — он ходил тяжело, как человек, который привык таскать доски и инструменты. Два удара в дверь, пауза, ещё один. Его система.

— Открыто!

Он вошёл — в своей обычной клетчатой рубашке с закатанными рукавами, несмотря на октябрьский холод. На плечах — первые намёки на утреннюю изморозь. В руках — неизменный ящик с инструментами. Но сегодня он поставил его у порога, а не понёс сразу к лестнице.

— Доброе утро, — сказал он, оглядывая кухню. — Джем?

— Облепиховый. Первая партия. Будешь пробовать?

— Буду, — он сел за стол, и в этом «буду» мне послышалось что-то большее, чем согласие на дегустацию. Как будто он говорил: «Буду с тобой. Буду пробовать. Буду рядом».

Я поставила перед ним розетку с джемом, чай, нарезанный хлеб. Антон взял ложку, зачерпнул — аккуратно, как привык обращаться со всем: с деревом, с инструментами, с людьми.

— Кислый, — сказал он. — Но хороший. Живой.

— Облепиха вообще живая. Пока соберёшь — все руки исколешь.

— Знаю, — он улыбнулся краешком рта. — У тёти Шуры три куста. Я в прошлом году помогал собирать. Три дня за-

нозы вытаскивал.

Я засмеялась. Антон посмотрел на меня — пристально, чуть смущённо. Между нами повисла та самая пауза, которая в последние недели стала привычной — не неловкой, а наполненной. Как будто в воздухе стояло что-то невысказанное, но уже понятное обоим.

— Я, собственно, чего пришёл, — сказал он наконец. — Лестницу проверить. В мансарде. Она скрипит.

— Она не скрипит.

— Скрипит, — твёрдо сказал Антон. — Я вчера слышал. Когда уходил. Четвёртая ступенька. Продольный люфт.

— Антон, — сказала я, — ты проверял эту лестницу три раза за последнюю неделю. Она в идеальном состоянии.

Он помолчал. Потом посмотрел на меня — и я увидела в его глазах то самое выражение, которое появлялось теперь всё чаще. Смесь упрямства и нежности.

— Может, я не только лестницу пришёл проверять, — сказал он тихо.

Я не ответила. Просто налила ему ещё чаю. Тимофей прыгнул с подоконника и потёрся о ноги Антона — признак высшего расположения. Антон наклонился, погладил кота. Тимофей замурлыкал.

За окном светало окончательно. Туман рассеялся, и Волга открылась во всей своей осенней красе — стальная, с серебряной рябью, с тёмной полосой дальнего берега. Рябина за окном горела алыми гроздьями. Октябрь вступал в свои

права.

* * *

Телефон зазвонил снова через час. Я как раз вручила Антону банку облепихового джема — первую, с этикеткой, — и он стоял на крыльце, прижимая банку к груди, как что-то ценное. Не мама. Незнакомый номер — московский.

— Алло?

— Полина Сергеевна Медведева? — Голос был мужской, приятный, с той особой московской интонацией, когда человек улыбается, даже говоря по телефону. — Моя фамилия Вершинин. Марк Андреевич. Мне рекомендовали ваш гостевой дом. Говорят — лучший вид на Волгу и варенье, которое стоит отдельной поездки.

— Джем, — поправила я. — Сегодня — облепиховый.

— Облепиховый, — повторил он с удовольствием. — Тем более. У вас есть свободный номер?

— На сколько вы планируете?

— На неделю. Может, на две. Я здесь по делу — будем строить на набережной туристический комплекс. Слышали?

— Слышала.

Я покосилась на Антона. Он всё ещё стоял на крыльце с банкой в руках и смотрел на меня — вопросительно.

— Прекрасно, — продолжал Вершинин. — Тогда с меня — рассказ о проекте. С вас — джем.

Что-то в его голосе меня насторожило. Не сам голос — голос был приятный, обволакивающий, как дорогой коньяк.

А то, как он сказал «с вас — джем». Легко. Как будто мы уже договорились. Как будто мой джем был частью сделки, о которой я ещё не знала.

— Приезжайте, — сказала я. — Номер три. С видом на Волгу. Завтрак в восемь.

— Договорились. И, Полина Сергеевна... — он сделал микроскопическую паузу. — Я слышал, у вас ещё и реставратор знакомый есть? Антон, кажется?

Я напряглась.

— Есть. А что?

— Ничего, — в голосе Вершинина снова появилась улыбка. — Просто наслышан. Говорят — золотые руки. Мне для проекта такие люди нужны. Познакомите?

— Познакомлю, — сказала я медленно.

— Вот и отлично. До вечера.

И положил трубку. Я — тоже. Антон шагнул ко мне:

— Кто?

— Инвестор. Марк Вершинин. Тот самый, про которого мама говорила. Будет жить у нас в номере три.

— И что ему нужно от меня?

— Говорит — «золотые руки». Хочет познакомиться.

Антон нахмурился.

— Не нравится мне это.

— Почему?

— Потому что инвесторы не интересуются реставраторами просто так. Если он хочет строить комплекс на набереж-

ной — ему нужна земля. А я реставрирую старые дома. Мы с ним по разные стороны баррикад.

Он был прав. Я почувствовала это сразу. Но отступить было поздно.

* * *

День прошёл в хлопотах. Я подготовила номера — проветрила, сменила бельё, поставила в вазы последние октябрьские астры (лиловые, с жёлтой серединкой — тётя Шура принесла утром, как всегда, без предупреждения и с лишней булочкой). Проверила отопление — батареи грели ровно, без перебоев. Запаслась продуктами — хлеб, молоко, яйца, масло. Гостевой дом должен быть готов ко всему. Даже к инвестору из Москвы. Особенно — к инвестору из Москвы.

Антон ушёл проверять лестницу, которую он проверил уже трижды, и заодно посмотреть перила на втором этаже, которые были в полном порядке. Я не спорила. Каждый справляется с тревогой по-своему. Антон — проверяя лестницы. Я — варя джем.

К обеду я сварила вторую партию — на этот раз с имбирём. Имбирь дал джему остроту и глубину — теперь он пах не просто облепихой, а чем-то восточным, согревающим. Бабушка имбирь не добавляла, но одобрила бы. Она любила эксперименты. «Традиция, Полиночка, — это не когда повторяешь одно и то же. Это когда добавляешь своё, но помнишь, с чего начала».

Вечером я вышла на набережную — подышать перед за-

ездом гостей. Солнце садилось за Волгу — октябрьское, холодное, но ясное. Река была стальной, с розовыми прожилками заката. По набережной шли редкие прохожие — тихореченцы кутались в куртки, торопились домой. У причала рыбаки сворачивали сети — последние в этом сезоне. Пахло водой, дымом и прелой листвой.

Я остановилась у старого купеческого дома — того, что стоял третьим от причала. Дом был заброшен — окна заколочены, крыльцо покосилось. Но наличники сохранились — резные, с затейливым узором: виноградные лозы, дубовые листья, какие-то мифические птицы с распахнутыми крыльями. Антон говорил — это дом Селиванова, купца второй гильдии, построенный в 1840-х. Ещё один дом, который мог пойти под снос.

Я смотрела на наличники и думала: сколько рук их вырезало? Сколько глаз на них смотрело? Сколько зим они пережили? И теперь — из-за чьего-то бизнес-плана — они могут исчезнуть. Просто исчезнуть. Как будто и не было.

Достала телефон, набрала Антона.

— Слушай, — сказала я. — А тот дом, про который ты говорил... Селиванова. Ему точно грозит снос?

— Если комплекс будут строить — да, — голос Антона стал жёстким. — Он стоит прямо на участке, который Вершинин хочет выкупить. Вместе с моим домом.

— Твоим?!

— Мой дом — тоже старый. Купеческий. Кладка восем-

надцатого века. И он тоже на набережной. Вернее — чуть в стороне, но участок большой. Если комплекс расширят — снесут и мой.

Я замолчала. Вот, значит, как. Не только «Рябиновый двор». Не только дом Селиванова. Дом Антона — дом, в который он вложил годы работы, — тоже под угрозой.

— Антон, — сказала я, — приходи вечером. Познакомлю с Вершининым. Посмотришь на него.

— Приду, — сказал он. — И вот что... я хочу тебе кое-что показать. У меня в подвале. Я нашёл... кое-что.

— Что?

— Приходи — увидишь, — в его голосе появилась странная нотка. Не тревога — скорее предвкушение. — Это связано с домом. И, кажется, с твоим домом тоже.

— С «Рябиновым двором»?

— С Рябининым, — сказал Антон. — С купцом Рябининым. Тем самым, который построил твой дом. Я нашёл... ну, в общем — приходи. Завтра. Я покажу.

И положил трубку. Я стояла на набережной, смотрела на старый купеческий дом, и в голове крутились обрывки мыслей: купец Рябинин, старая кладка, подвал, Вершинин, снос, комплекс. Как детали пазла, который я ещё не научилась складывать.

* * *

Марк Андреевич Вершинин приехал к вечеру — на чёрном внедорожнике, слишком большом для тихореченских

улиц. Машина мягко прошелестела по гравию и остановилась у крыльца. Первым вышел Вершинин — легко, несмотря на возраст (около пятидесяти, решила я). Седые виски, дорогое кашемировое пальто серого цвета, никакого галстука — «свой парень». От него пахло дорогим одеколоном — чем-то древесным, с ноткой кожи. Он оглядел «Рябиновый двор» — не оцениваяюще, а скорее изучающе, как художник смотрит на натуру.

Рядом с ним из машины выбрался человек помоложе — лет тридцати восьми, сухой, быстрый, с ноутбуком под мышкой и взглядом оценщика. Одет строго: тёмный костюм, галстук, начищенные ботинки. Полная противоположность Вершинину.

— Моя правая рука, — представил Вершинин. — Виктор Семёнович Ремезов. Без него я как без калькулятора.

Ремезов кивнул — коротко, без улыбки. Пожал мне руку сухо, оцениваяюще. Так жмут руку люди, которые привыкли всё оценивать: стоимость, рентабельность, перспективы. Я сразу поняла: этот — не за джемом.

— Номер три — ваш, Марк Андреевич, — сказала я, протягивая ключи. — Номер один — для Виктора Семёновича. Завтрак в восемь. Полотенца в шкафу. Отопление работает. Если что-то понадобится — я на кухне или в мансарде.

— Прекрасно, — Вершинин взял ключ, но не ушёл сразу. Вместо этого он оглядел холл: лестницу с точёными балясинами, бабушкину герань на подоконнике, старые фото-

графии в рамках на стене, половик, сотканный ещё бабушкиной матерью. — У вас тут... душевно. Чувствуется — дом живой. Не то что эти бетонные коробки.

— Дом старый, — сказала я. — Купеческий. Сто двадцать лет. Его построил купец Рябинин.

— Рябинин? — Вершинин поднял бровь. — Интересно. Я читал про него. Интересная фигура. Держал несколько лавок, торговал зерном, строил баржи. И, кажется, был замешан в какой-то истории...

— В какой?

— Не помню точно, — он улыбнулся. — Но что-то связанное с подземными ходами. Легенда такая. Мол, купцы в Тихоречье строили подземные ходы между домами — чтобы прятать товары от ревизоров. Рябинин якобы соединил свой дом с ещё одним. Вот только с чьим — никто не знает.

Я вспомнила слова Антона про находку. Подземный ход. Рябинин. Соединил дома. Неужели...

— Знаю, что дом старый, — продолжал Вершинин. — Поэтому и приехал. Хочу посмотреть, что здесь можно сохранить. А что — увы — нет.

— Что значит «нет»? — спросила я, отбрасывая мысли о подземных ходах.

Вершинин посмотрел на меня — внимательно, с интересом. Как будто я задала вопрос, которого он ждал.

— Полина Сергеевна, — сказал он мягко, — я не враг старых домов. Я — бизнесмен. И я хочу построить комплекс,

который принесёт городу деньги, рабочие места, туристов. Но для этого нужно место. Набережная — идеальное место. И некоторые дома... — он развёл руками, — придётся снести.

— «Рябиновый двор»?

— Это зависит от вас, — сказал Вершинин. — Если вы захотите продать — я куплю. За хорошую цену. Если нет — будем искать варианты. Я не воюю с людьми. Я договариваюсь.

За его спиной Ремезов открыл ноутбук и что-то печатал. Ни слова. Только клавиши щёлкали — быстро, как пулемёт. Я проводила их в номера. Вершинин одобрил вид из окна («Птичий полёт! Отсюда весь проект видно»), проверил матрас, спросил про отопление. Ремезов молча осмотрел номер, проверил розетки, измерил шагами площадь и, кажется, остался недоволен размерами. Но ничего не сказал.

* * *

Вечером за ужином я представила гостей друг другу. Пара из Самары — Семён Иванович и Людмила Петровна, тихие пенсионеры, отмечали тридцатилетие свадьбы. Художница Майя — девушка лет двадцати пяти, с акварельными красками и восторженным взглядом, — снимала мансарду уже вторую неделю, рисовала Волгу в разное время суток. Вершинин немедленно очаровал всех: рассказал пару смешных историй про Москву, расспросил самарцев про их город, похвалил акварели Майи («У вас удивительное чувство

света!»). Ремезов сидел в углу стола, молчал, ел аккуратно, смотрел в телефон. За весь ужин он произнёс ровно три фразы: «Передайте соль», «Спасибо», «Я не ем сладкое».

— А что вы рисуете? — спросил Вершинин у Майи, разглядывая её альбом.

— Волгу. В разное время. Утром она одна, вечером — другая. В тумане — третья. Река — как человек. У неё есть настроение.

— Интересная мысль! А вы пробовали рисовать набережную? Старые дома?

— Да, конечно, — Майя оживилась. — Там такой ритм! Крыши, наличники, трубы. Каждый дом — как отдельный характер. Особенно тот, крайний, с зелёной крышей. Заброшенный. В нём есть что-то...

— Селиванова, — подсказала я.

— Да, точно! Я его третьего дня рисовала на закате. Получилось мрачно, но красиво.

Вершинин кивнул, но ничего не сказал. Только посмотрел на Ремезова — быстро, многозначительно. Ремезов едва заметно качнул головой.

Я налила чай. Облепиховый джем стоял на столе — в двух розетках, классический и с имбирём. Вершинин попробовал оба.

— Великолепно, — сказал он. — Кислый. Терпкий. Необычный. Честный.

— Это бабушкин рецепт.

— У вашей бабушки был талант. Не только к джему. К жизни.

Я не нашлась, что ответить. Комплимент был приятным, но что-то в нём настораживало. Вершинин говорил красиво — слишком красиво. Как человек, который привык очаровывать. И знает, что у него получается.

Тимофей прыгнул с подоконника, подошёл к Вершинину, обнюхал его ботинок — и отвернулся. Не зарычал, не укусил, но и не потёрся. Дипломатическое непризнание. Потом подошёл к Ремезову — и тот даже не посмотрел на кота. Тимофей обиженно мяукнул и удалился на подоконник.

— Кот не одобряет? — усмехнулся Вершинин.

— Кот думает, — сказала я.

— И что же он думает?

— Пока не знаю. Но когда решит — сообщит.

Антон пришёл, когда чаепитие уже заканчивалось. Он остановился в дверях столовой — в своей рабочей одежде, с въевшейся в пальцы строительной пылью. Вершинин немедленно встал, протянул руку:

— А вы, должно быть, тот самый реставратор! Антон Сергеевич, если не ошибаюсь? Марк Вершинин. Наслышан о вашей работе. Говорят, вы местные дома знаете лучше, чем их бывшие владельцы.

Антон пожал руку — сдержанно, без улыбки.

— Знаю, — сказал он коротко.

— Прекрасно! Мне как раз нужен человек, который пони-

мает местную архитектуру. Я хочу сохранить исторический облик набережной — вписать комплекс в существующую застройку. Без эксперта не обойтись. Вы не согласитесь проконсультировать проект?

Антон посмотрел на меня. Потом на Вершинина.

— Сохранить или снести? — спросил он.

— И то, и другое, — Вершинин улыбнулся. — Чтобы построить новое, иногда нужно убрать старое. Но я хочу сделать это с уважением.

— С уважением не сносят, — сказал Антон.

Повисла пауза. Вершинин продолжал улыбаться, но улыбка стала чуть напряжённой. Ремезов впервые за вечер поднял голову от ноутбука и посмотрел на Антона — оценивающе, холодно.

— Мы ещё поговорим на эту тему, — сказал Вершинин.

— Спешить некуда. Проект на стадии обсуждения.

— На стадии обсуждения дома не сносят, — сказал Антон.

Он взял со стола банку облепихового джема — ту, что я подарила ему утром, — взвесил в руке. Посмотрел на меня.

— Я завтра зайду. Проверить лестницу.

— Она не скрипит.

— Завтра зайду, — повторил он. И вышел.

Вершинин проводил его взглядом. Улыбка на его лице стала ещё шире — и ещё менее искренней.

— Интересный человек, — сказал он. — С характером.

Такие или становятся лучшими друзьями, или... — он сделал паузу. — Но я надеюсь на дружбу.

Ремезов за его спиной захлопнул ноутбук.

* * *

Вечер закончился поздно. Гости разошлись по номерам. Я убрала со стола, вымыла посуду, погасила свет в столовой. Тимофей сидел на подоконнике и смотрел в темноту — туда, где за деревьями угадывалась Волга. Я поднялась в мансарду, но спать не легла. Села у окна, завернулась в плед.

За окном всходила луна — круглая, октябрьская, холодная. Волга блестела серебряной дорожкой. Теплоходов уже не было — навигация закрывалась. Только рыбацкая лодка темнела у дальнего берега — одинокий огонёк фонаря качался на волнах. И где-то в номере три инвестор Марк Вершинин смотрел на ту же луну и думал о том, какие дома пойдут под снос.

«Рябиновый двор»?

Дом Антона?

Я вспомнила слова Вершинина о купце Рябинине и подземных ходах. Антон нашёл что-то в своём подвале. Что-то, связанное с моим домом. Что-то, что могло изменить всё.

Завтра. Антон покажет завтра.

Тихоречье засыпало. Но что-то подсказывало мне — ненадолго.

Тихоречье переставало быть тихим.

Глава 2. Чужой дом

Антон пришёл на следующее утро — как всегда, без звонка, просто появился на дорожке с инструментом. Сегодня это были уровень, ручка и блокнот. Ни молотка, ни гвоздей. Осенний ремонт — тихий, подготовительный: осмотреть, записать, запланировать. Антон не любил спешить. «Дом не простит, — говорил он. — Дом — он как дерево. Если хочешь, чтобы стоял долго, — не торопись. Дай ему время привыкнуть к твоим рукам».

— Лестница, — сказал он с порога.

— Что — лестница?

— Не скрипит.

— Я знаю. Ты её три недели назад смотрел.

— Смотрел. — Он чуть улыбнулся — той редкой улыбкой, которая появлялась раз в несколько дней и каждый раз заставляла врасплох. — Но октябрь. Влажность другая. Дерево дышит.

— И?

— Не закрипела. Поздравляю. Дом тебя принял.

Он произнёс это буднично, но я слышала в его голосе что-то ещё. Гордость? Нежность? Антон вообще говорил о домах так, как другие говорят о близких людях. Для него дом не был конструкцией из кирпича и дерева. Дом был существом — со своим характером, своей памятью, своей душой. И если дом «принимал» — это значило больше, чем любое признание в любви.

Я налила чай. Антон сел за стол — на то же место, что и всегда. Тимофей немедленно перебрался с подоконника на его колени. Предатель с хвостом. Кот устроился основательно, выпустил когти, помял колено и замурлыкал — громко, как трактор. Антон погладил его и улыбнулся второй раз за утро. Это был рекорд.

Я достала облепиховый джем — вчерашний, с апельсиновой цедрой. Антон попробовал. Замер. Взял ещё ложку.

— Кислый, — сказал он.

— Облепиха — она вообще кислая.

— Я знаю. Но этот... правильный. Как будто осень на хлеб намазали.

— Это бабушкин рецепт. Она говорила: «Облепиха — ягода для тех, кто не боится правды. Сладкое любят все. А ты попробуй полюбить то, что с кислинкой».

Антон кивнул — так он всегда реагировал на упоминания бабушки. С уважением. Как будто Анна Ивановна Медведева была не просто женщиной, варившей варенье, а кем-то вроде стихийного философа. Что, в сущности, было правдой.

— У тебя гости новые, — заметил он, глядя в окно на чёрный внедорожник у калитки. — Московские?

— Инвестор и его помощник. Вершинин и Ремезов. Хотят построить туристический комплекс на набережной.

Антон помолчал. Отпил чай. Тимофей на его коленях замурчал громче — требовал продолжения ласки. Антон ма-

шинально погладил кота.

— Слышал, — сказал он наконец.

— Что слышал?

— Фаина рассказала. В магазине. — Он посмотрел на меня. — Говорит, будут сносить старые дома. Те, что на набережной. И мой — в том числе.

Я поставила чашку. Дом Антона — старый купеческий особняк на окраине, который он реставрировал уже год. Особняк Селиванова. Резные наличники, камин голландской работы, кладка восемнадцатого века. Антон знал там каждый кирпич. Каждую трещину. Каждую историю.

— Ты не знаешь наверняка, — сказала я. — Проект ещё даже не утверждён.

— Знаю. — Антон смотрел в чашку. — Ремезов заходил вчера. Когда ты была в городе. Сказал — участок попадает в план застройки. Предложил... — он запнулся, подбирая слово, — оценить дом. Для выкупа.

— Оценить?

— Ну, назвать цену. Если я соглашусь продать — хорошо. Если нет... — он пожал плечами, — найдут способ.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. «Найдут способ». Те же слова, что и вчера — но сказанные не Вершининым, а Ремезовым. Человеком, который не улыбался и смотрел на всех как на строчки в бюджете.

— Какой способ?

— Не знаю. Но Ремезов улыбнулся. Нехорошо улыбнулся.

И сказал: «Мы всегда находим способ, Антон Сергеевич. С одними — через суд, с другими — через компромисс. Вы же разумный человек. Не доводите до суда».

Я смотрела на Антона. Он был спокоен — внешне. Но в том, как он держал чашку — слишком осторожно, слишком напряжённо, — я чувствовала: внутри бурлит. Антон не умел злиться открыто. Его злость уходила внутрь, как вода в песок, и оставалась там — тяжёлой, молчаливой.

Он поставил чашку на стол и посмотрел на меня. В его глазах было что-то новое — не тревога, не страх, а какая-то решимость, которой я раньше не замечала.

— Пойдём ко мне, — сказал он. — Покажу. Я там... кое-что нашёл. В подвале.

— Что?

— Лучше покажу. Словами — не то.

* * *

Мы шли через Тихоречье пешком — Антон сказал, что так лучше. «Октябрь. Последние тёплые дни. Скоро дожди зарядит — не выйдешь». И я согласилась.

Улицы Тихоречья в октябре были особенными. Не теми, что летом — пыльными, шумными, полными туристов и теплоходных гудков. И не теми, что зимой — заснеженными, сонными, с дымом из труб. Октябрьские улицы были тихими и прозрачными, как старая акварель. Листья на яблонях пожелтели, но ещё не облетели. Рябина горела алыми гроздьями. Пахло прелой листвой и рекой. И чем-то ещё — мо-

жет быть, ожиданием.

Мы прошли мимо дома Селиванова — того самого, с заколоченными окнами и резными наличниками. Антон остановился на минуту, посмотрел на него.

— Знаешь, что сказал Ремезов про этот дом? — спросил он.

— Что?

— «Не представляет исторической ценности». Представляешь? Дом 1840 года, с уникальной резьбой, с голландским камином, с кладкой, которую делали крепостные мастера, — «не представляет ценности».

— Но это же чушь. Любой эксперт подтвердит...

— Экспертизу заказывают они, — перебил Антон. — И они же за неё платят. Как думаешь, что напишет эксперт?

Я не ответила. Мы пошли дальше.

Дом Антона стоял на отшибе — на краю Тихоречья, где набережная переходила в дикий берег, заросший облепихой и шиповником. Отсюда открывался вид на Волгу — широкую, серую, с тёмной полосой дальнего берега. Ветра здесь были сильнее, чем в городе, — Волга дышала в полную силу, и воздух был солёным от речной воды.

Кусты облепихи росли прямо у крыльца — Антон их не трогал. «Пусть растут. Ягода полезная. И красивая — особенно в октябре, на фоне серого неба». Ягоды и правда горели на ветках — оранжевые, яркие, как маленькие фонарики. Я подумала: если бы дома не было, а были только кусты —

это уже стоило бы сохранить.

Дом был старый — купеческий, с мезонином и резными наличниками. Антон восстанавливал его по фотографиям из краеведческого музея: каждый узор, каждую завитушку, каждый сантиметр деревянного кружева. Он знал этот дом лучше, чем его первый хозяин — купец второй гильдии Селиванов, построивший его в 1840-х годах на деньги от волжской торговли хлебом.

— Заходи, — Антон открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Внутри пахло деревом, лаком и старыми книгами. Антон читал по вечерам, когда заканчивал работу, — у него была целая библиотека, собранная по букинистическим магазинам. Пахло ещё и сухими яблоками — он хранил их в ящиках в подвале, бабушка научила. И дымом — в камине догорали утренние дрова. Все эти запахи сливались в один — запах дома, который жил. Не выживал, не ремонтировался, а именно жил, дышал, помнил.

Тимофей немедленно устроился на коврик перед камином — кот ценил комфорт, где бы ни находился. Он потянулся, зевнул и замурлыкал, не открывая глаз. Камин был голландской работы — с изразцами синего цвета, на которых были изображены ветряные мельницы и парусники. Антон восстановил его по чертежам — три месяца работы, и теперь камин грел, как в девятнадцатом веке.

— Чай? — спросил Антон.

— Давай. Только сначала — покажи.

Он провёл меня в гостиную — большую комнату с окнами на Волгу. Остановился у стены. Провёл рукой по кирпичной кладке.

— Вот здесь. Видишь?

Я присмотрелась. Кирпичи были старые — ручной формовки, с клеймами заводов. Но в одном месте шов был свежее. Раствор — другой, более светлый. Как будто кладку разбирали и складывали заново. Давно. Очень давно.

— Это разбирали до революции, — сказал Антон. — Зачем — непонятно. Если бы ремонт — заложили бы так же. А здесь — специально оставили доступ. Как будто хотели, чтобы можно было открыть снова.

— Доступ к чему?

— Пойдём в подвал.

Подвал был холодным — старые стены держали температуру позапрошлого века. Пахло землёй и яблоками, и ещё чем-то древним, каменным — так пахнут подвалы, которые помнят времена, когда не было ни электричества, ни отопления, ни даже нормальных лестниц. Антон включил свет — тусклую лампочку под потолком, — и указал на дальнюю стену.

— Смотри.

В дальнем углу, за старыми ящиками, в стене была арка. Низкая, метра полтора в высоту, заложенная кирпичом. Но не вся — в верхней части кирпичи уже вынули, и за ними

чернела пустота. Антон посветил фонариком.

— Это я разобрал, — сказал он. — Позавчера.

— Ты разбирал стену своего подвала? Один?

— А что такого? Я реставратор. Мне интересно.

Я покачала головой. Антон и его «интересно» — это была опасная комбинация. В прошлый раз, когда ему стало «интересно», он нашёл дверь в подземный ход.

— Там ход, — сказал он, подтверждая мои мысли.

— Куда?

— К Волге. Я прошёл метров двадцать — дальше завал. Но направление — к реке, к старому причалу, которого давно нет. — Он посветил фонариком на стену. — И вот здесь — видишь?

На кирпиче, в свете фонаря, я увидела клеймо. Две буквы — «Р.М.», выдавленные в глине до обжига. Те же самые буквы, что и в подвале «Рябинового двора».

— Рябинин, — прошептала я. — Купец Рябинин.

— Да. — Антон опустил фонарь. — Я думаю, он соединил дома подземным ходом. Мой — и твой. Свой дом он построил — «Рябиновый двор». А этот — купил у Селиванова. И соединил их. Зачем — пока не знаю. Может, для торговли. Может, для безопасности. Может, для того, чтобы прятать что-то.

— Что прятать?

— Не знаю. Но вряд ли варенье.

Мы переглянулись. Подземный ход. Два дома. Инвестор,

который скупает недвижимость на набережной. Легенда о купце Рябинине, вторая шкатулка... Всё это складывалось в картинку, которая мне очень не нравилась.

— Антон, — сказала я медленно, — ты кому-нибудь говорил?

— Нет. Только тебе. И то — только сейчас.

— Ремезову? Когда он заходил?

— Он спрашивал про подвал. Я показал. Но арка была за ящиками — он не видел. Зато он очень интересовался нишами в стенах. Расспрашивал, есть ли пустоты, тайники. Я сказал — нет. Но он не поверил. Сказал — старые купеческие дома всегда с секретами.

— А Вершинин?

— Вершинин был здесь дважды. Первый раз — когда приехал. Осматривал дом, интересовался архитектурой. Сказал — «историческая ценность, надо сохранить». Потом, через день — с Ремезовым. Спрашивал про планировку, про подвал, про старую кладку. Я показал. Он фотографировал. Сказал — для проекта важно.

Я нахмурилась.

— Антон, — сказала я, — а зачем бизнесмену фотографировать кладку в твоём подвале? Для проекта туристического комплекса?

— Вот и я думаю — зачем? — Он посмотрел на меня. — Если только он не ищет что-то конкретное. Что-то, что спрятано давно и надёжно. Что-то, связанное с этим ходом.

— Или с тем, что в этом ходе находится.

Мы снова переглянулись. Тишина в подвале стала гуще. Где-то капала вода. Где-то шуршала мышь.

— Я не продам дом, — сказал Антон тихо. — Что бы они ни предлагали.

— Я знаю.

— И ты — не продавай. «Рябиновый двор» — это... — он запнулся. — Это больше, чем дом. Для меня.

Я посмотрела на него. В тусклом свете подвальной лампочки его лицо казалось старше — морщины у глаз глубже, взгляд тяжелее. Он стоял у арки подземного хода — реставратор, который нашёл больше, чем искал. И теперь не знал, что с этим делать.

— Для меня тоже, — сказала я.

Мы поднялись из подвала. В гостиной догорал камин. Антон подбросил дров — сухих берёзовых поленьев, которые пахли лесом. Огонь ожил, заплясал на изразцах с мельницами.

— Чай? — спросил он снова.

— Теперь — да.

Мы сели у камина. Антон принёс чашки — старые, с трещинами, но красивые, с синими цветами по ободку. Из таких пили ещё до революции. Тимофей перебрался с коврика на колени Антона и замурлыкал — требовал внимания. Антон погладил его. Кот зажмурился.

За окнами темнело. Волга стала чёрной, с серебряной лун-

ной дорожкой. Где-то вдалеке залаяла собака — и замолчала. Октябрьский вечер опускался на Тихоречье мягко, как старое одеяло.

Антон сидел молча. Я видела — он хочет что-то сказать. Что-то, что давно вертелось у него на языке. Что-то, не связанное ни с домами, ни с подвалами, ни с инвесторами.

— Полина, — начал он и замолчал.

Я ждала.

— Я... — он посмотрел на чашку, потом в окно, потом на Тимофея — куда угодно, только не на меня. — Когда всё это закончится... с проектом, с домами... я хотел бы...

Он снова замолчал. Тимофей открыл глаза и посмотрел на Антона с выражением «ну давай уже, я за тебя говорить не буду».

— Что? — спросила я тихо.

— Может... — Антон набрал воздуха. — Может, мы могли бы... Ну, не только лестницу проверять. Может — просто чай? Без повода?

Я улыбнулась.

— Чай — это всегда повод.

Он поднял глаза и посмотрел на меня — долгим, серьёзным взглядом. И в этом взгляде было всё: и страх, и надежда, и недоверие к собственному счастью. Взгляд человека, который слишком долго жил один и уже почти поверил, что так будет всегда.

— Я не умею говорить, — сказал он. — Я умею чинить.

Дома, лестницы, старые вещи. А говорить — нет. Но я хочу, чтобы ты знала. Этот дом... я реставрировал его год. И всё это время думал — для кого? Для себя? Смешно. У меня нет семьи. Нет никого. А потом появилась ты. И я подумал — может, этот дом нужен не только мне. Может, он нужен...

Он снова замолчал. Но теперь я поняла.

— Антон, — сказала я, — я тебя поняла.

— Правда?

— Правда.

Я взяла его за руку. Просто взяла — без «помоги спуститься», без «проверь лестницу». Его рука была тёплой и шершавой — рука человека, который работает с деревом. Он сжал мою ладонь — осторожно, как держат что-то хрупкое. Что-то, что боишься разбить.

Тимофей посмотрел на наши руки, потом на Антона, потом на меня — и мяукнул. В переводе с кошачьего это, видимо, означало: «Ну наконец-то. Я уж думал, вы никогда».

Мы засмеялись. Оба. И этот смех был лучшим, что случилось за последние дни.

* * *

Я ушла поздно, когда луна уже стояла высоко над Волгой. Антон вышел на крыльцо — проводить. Стоял в дверях, в своей клетчатой рубашке, и смотрел мне вслед.

— Я завтра зайду, — сказала я.

— Заходи. Лестницу проверим.

— Лестница не скрипит.

— Знаю, — он улыбнулся. — Но проверим.

Я прошла по дорожке, обогнула кусты облепихи и вышла на тропинку к городу. Обернулась. Антон всё ещё стоял на крыльце — тёмный силуэт на фоне освещённого окна. Поднял руку — не помахал, а просто поднял. Я подняла в ответ.

Дорога к «Рябиновому двору» шла вдоль Волги. Луна освещала воду, и река казалась жидким серебром. Пахло прелой листвой и дымом — где-то топили печь. В домах зажигались окна. Тихоречье готовилось ко сну.

Я думала о том, что сказал Антон. О доме, который «нужен не только мне». О подземном ходе. О купце Рябинине. Об инвесторе Вершинине и его помощнике, который «всегда находит способ».

И ещё я думала о том, что Антон впервые почти признался мне в любви — на свой лад, неуклюже, через дома и лестницы. И что я ответила ему тем же — через «чай — это всегда повод». Мы оба были мастерами говорить не прямо. Но, кажется, мы понимали друг друга.

Дома меня ждал Тимофей. Он сидел на крыльце и вылизывал лапу — ждал. Увидел меня, мяукнул и потрусил в дом. Я поднялась в мансарду, легла в кровать. Сон не шёл. Я смотрела в потолок и думала: что ещё скрывают старые дома? И кто ещё об этом знает?

Завтра — собрание в ДК. Вершинин будет презентовать проект. Полгорода соберётся. И я должна быть там.

Глава 3. Город против

Собрание назначили в Доме культуры — старом здании с колоннами, построенном ещё в тридцатых годах прошлого века. В фойе пахло мокрой одеждой, хлоркой и духами «Красная Москва» — неизменный букет всех тихореченских мероприятий. Я пришла за полчаса до начала, но зал уже гудел. Собрались все: местные жители, владельцы домов, предприниматели, пенсионеры, молодёжь, и просто любопытные — те, кто пришёл не за правдой, а за зрелищем.

В Тихоречье собрания были редкостью. Последний раз столько народу собиралось на открытие фестиваля «Волжские закаты» в сентябре. Тогда пахло вареньем и праздником. Сегодня пахло тревогой.

Фаина заняла стратегическую позицию в третьем ряду — с блокнотом, термосом и вязанием. Рядом на соседнем стуле стояла вазочка с карамельками — Фаина готовилась к долгой осаде. Увидела меня, замахала рукой:

— Полина! Иди сюда! Я тебе место заняла! Четвёртый ряд, центр! Отсюда всё видно, и сквозняка нет.

Я села рядом. В зале было душно — старая система отопления работала с перебоями, и батареи то раскалялись, то остывали. На сцене стоял стол с микрофоном и графином воды. Ремезов уже сидел сбоку — с ноутбуком, печатал, не поднимая глаз. Вид у него был такой, будто происходящее в зале его не касалось. Как будто эти люди — декорация, а настоящее действие — на экране ноутбука.

— Я вчера Степаныча встретила, — Фаина наклонилась ко мне, понизив голос до конфиденциального шёпота. — Ты знаешь Степаныча? Он на причале работает, сторожем. Так вот. Он вчера ночью видел Вершинина. И знаешь где? На набережной. В полночь. Ходил от дома к дому, останавливался, смотрел. Не как архитектор — как оценщик. Или... — Фаина выдержала паузу, — как кладоискатель.

— Что?

— Кладоискатель! Я точно запомнила слово. Степаныч так и сказал: «Не как архитектор, а как кладоискатель. Смотрит не на крыши, а на фундаменты. Как будто ищет вход в погреб или подземный ход».

Я вспомнила арку в подвале Антона. Клеймо «Р.М.». Подземный ход купца Рябинина. Неужели Вершинин знал? Или догадывался?

— А ещё он останавливался у дома Селиванова, — продолжала Фаина. — И у твоего. У «Рябинового двора». Стоял, смотрел на фундамент. Потом достал телефон, посветил фонариком. И что-то сфотографировал.

— Что фотографировал?

— Степаныч не разглядел. Он близко не подходил — ночью холодно, он из будки смотрел. Но ты имей в виду, Полина. Этот Вершинин — он не просто так приехал. И не в сезон. В октябре нормальные люди комплексы не строят. А он — строит. Значит, ему нужно что-то, что есть только здесь. И только сейчас.

Я пообещала иметь в виду. Фаина удовлетворённо кивнула и развернула вязание — что-то бежевое, шерстяное, предположительно шарф.

Зал заполнялся. Я узнавала лица: продавщица из булочной, почтальонша, тётя Шура с неизменной булочкой в кармане, учительница химии на пенсии, пара рыбаков в промасленных куртках. Тихоречье пришло слушать. Тихоречье пришло решать.

На сцену вышел Зубов — Геннадий Павлович, глава администрации. Пиджак, галстук, приглаженные волосы. Вид человека, который знает — новость не всем понравится, но отступать некуда.

— Уважаемые тихореченцы! — он прокашлялся. — Сегодня исторический день для нашего города. Мы стоим на пороге больших перемен. Я с гордостью представляю вам человека, который готов вложить средства в будущее Тихоречья. Инвестор, предприниматель, меценат — Марк Андреевич Вершинин!

Вершинин поднялся на сцену легко — шагом человека, привыкшего к вниманию. Седые виски, дорогой пиджак, никакого галстука — «свой парень». Кашемировое пальто он снял и аккуратно повесил на спинку стула — я заметила, как бережно он обращался с этой вещью. Пальто стояло, наверное, больше, чем месячный бюджет средней тихореченской семьи.

Зал зааплодировал. Не весь, но значительная часть. Пер-

вые ряды хлопали активно — предприниматели, надеявшиеся на подряды. Молодёжь снимала на телефоны. Пенсионеры переглядывались, но молчали. В задних рядах, где сидели обитатели старых домов набережной, было тихо. Слишком тихо. Как перед грозой.

— Тихоречье — уникальный город, — начал Вершинин. Голос у него был приятный, обволакивающий, с той особой интонацией, которая заставляет слушать. — Волга, купеческая архитектура, природа. У вас есть всё для того, чтобы стать туристической жемчужиной. Кроме одного — инфраструктуры. Нет хороших гостиниц. Нет современного причала для теплоходов. Нет ресторанов, куда не стыдно привезти гостей из столицы. Я хочу это изменить.

Он развернул проектор. На экране появился слайд — «Волжские террасы». Три гостиницы, вписанные в рельеф берега. Ресторан с панорамным видом на Волгу. Спа-центр. Современный причал с подсветкой. Дорожки, вымощенные плиткой, фонари «под старину», зелёные зоны, детская площадка. Стекло, дерево, зелень, вода. Красиво. Очень красиво.

Зал зашептался. Даже я на минуту залюбовалась. Проект был хорош — этого нельзя было отрицать.

— Сто пятьдесят рабочих мест на этапе строительства, — продолжал Вершинин. — Пятьдесят постоянных после открытия. Налоги в городской бюджет — до тридцати миллионов рублей в год. Туристический поток — до пятидесяти ты-

сяч человек за сезон. Это не просто проект, уважаемые тихореченцы. Это будущее. Шанс для ваших детей не уезжать в Москву и Нижний Новгород. Шанс для города перестать быть забытой точкой на карте и стать настоящей жемчужиной Волги.

Предприниматели в первых рядах зашептались громче. Я слышала обрывки: «подряды на отделку», «доставка материалов», «питание для рабочих». Козлов, сидевший в третьем ряду, аж подался вперёд — его глаза горели. Он уже считал будущую прибыль.

— Я понимаю ваши вопросы, — Вершинин поднял руку, призывая к тишине. — И самый главный из них: что будет с набережной? С вашими домами? Я отвечу честно. Да — некоторые строения, находящиеся в аварийном состоянии, придётся демонтировать. Но мы сохраним исторический облик. Построим в том же стиле. Даже лучше — с современными коммуникациями внутри и аутентичными фасадами снаружи.

— Лучше не бывает! — выкрикнул кто-то из первых рядов. Раздались жидкие аплодисменты.

— Бывает, — раздался голос из зала. Спокойный. Тихий. Но такой, что все замолчали.

Галина Петровна Седых встала. Медленно, с достоинством. Сухая, прямая, как жердь — бывший библиотекарь, лидер движения «Сохраним Тихоречье». На плечах — белый платок с вышивкой. Тот самый, который потом украдут

из её дома. Но сейчас никто об этом не знал. Сейчас Галина просто встала и заговорила — и зал замер.

— Вы говорите «сохраним исторический облик», — сказала она. Голос был тихим, но в наступившей тишине его слышал каждый. — А что такое исторический облик, господин Вершинин? Это стекло и бетон с накладными наличниками «под старину»? Или это дома, которые стояли здесь сто пятьдесят лет — при царях, при советской власти, при перестройке? Которые помнят купцов, пароходные гудки, войну, голод, возрождение? Которые дышат историей — а вы предлагаете их снести и построить «лучше»?

Она сделала паузу — долгую, тяжёлую.

— Лучше истории не бывает. История — одна. Если её снести — её не восстановить. Никакими наличниками.

Вершинин открыл рот, но Галина не дала ему сказать:

— Вы сказали «аварийные строения». Я читала ваш бизнес-план. Тот, что лежит в администрации. Там чёрным по белому: «Сносу подлежат строения, не представляющие исторической ценности». А кто определяет эту ценность? Вы? Или комиссия, которую вы же наняли и которой вы же платите?

Она достала из сумки лист бумаги — распечатку.

— Дом купца Селиванова — тысяча восемьсот сороковой год. Дом купца Рябинина — тысяча восемьсот девяносто второй. Дом мещанина Завьялова — тысяча восемьсот семидесятый. Дом купчихи Гореловой — тысяча восемьсот

пятьдесят шестой. Это «аварийные строения»? Или это дома, которые стоят на земле, которую вы хотите купить за бесценок, а потом продать под застройку?

Зал взорвался. Крики, аплодисменты, свист. Кто-то крикнул: «Правильно, Галина!» Кто-то — «Дайте денег городу!» Зубов стучал по микрофону — бесполезно. Фаина рядом со мной прекратила вязать и замерла, не донеся спицу до петли. Её глаза горели — она обожала такие моменты. «Вот это да, — прошептала она, — вот это я понимаю — собрание».

Вершинин улыбался. Но я видела — его пальцы сжали край стола, костяшки побелели. Улыбка держалась, но стала застывшей, как маска. Это была улыбка человека, который привык к сопротивлению, но не привык к тому, что сопротивление умно.

— Галина Петровна, — сказал он, когда шум немного утих, — я глубоко уважаю вашу позицию. И я готов к диалогу. Мы привлечём независимых экспертов из Москвы. Историков, архитекторов. Проведём полную экспертизу. Если дом действительно представляет историческую ценность — он останется. Даю вам слово.

— Слово московского инвестора? — Галина усмехнулась. — Извините, господин Вершинин, но я таким словам не верю. Я верю документам. А в ваших документах — двести метров набережной под снос. И среди этих метров — мой дом. Дом, в котором я родилась. Дом, в котором родилась моя мама. Дом, который мой сын — архитектор, между про-

чим, с дипломом — предлагал музеефицировать, превратить в исторический квартал, сохранить для потомков. А вы называли его проект «студенческой фантазией» и выбросили в корзину. При мне. При всех. В этом самом зале, три дня назад.

Тишина. Тяжёлая, как осенний туман над Волгой. Все смотрели на Вершинина. Вершинин смотрел на Галину. Его улыбка наконец исчезла, и на секунду я увидела другое лицо — жёсткое, холодное. Лицо человека, который не привык, чтобы ему перечили. Лицо хищника, встретившего сопротивление.

Потом улыбка вернулась.

— Я услышал вас, Галина Петровна, — сказал он. — Мы обязательно учтём все замечания.

И сел. Зубов объявил перерыв. Зал загудел — все обсуждали речь Галины. Кто-то хлопал её по плечу, кто-то пожимал руку. А она стояла — прямая, сухая, с белым платком на плечах — и смотрела на сцену, где Вершинин что-то тихо говорил Ремезову.

Ремезов не аплодировал. Он вообще не реагировал на происходящее — только печатал, печатал, печатал, не поднимая глаз. Но когда Галина закончила, я заметила: он поднял голову, посмотрел на неё — долгим, оценивающим взглядом. А потом что-то записал в ноутбук. Я сидела достаточно близко, чтобы разглядеть слово. Оно было набрано крупным шрифтом — видимо, Ремезов печатал для себя:

«УСТРАНИТЬ?» С вопросительным знаком.

«Устранить». Не «поговорить». Не «убедить». Не «договориться». Устранить.

Мне стало холодно.

* * *

После собрания я вышла на крыльцо ДК. Осенний воздух после духоты зала показался божественным — холодным, вкусным, с запахом дыма, реки и мокрой листвы. Небо очистилось от туч, и октябрьское солнце — низкое, бледное, но всё ещё живое — освещало кремлёвскую стену ДК, лужи на асфальте и очередь в гардероб. Люди выходили группами, обсуждали, спорили. До меня долетали обрывки:

— ...конечно, Галина права, но с деньгами-то лучше...

— ...ты слышал — пятьдесят тысяч туристов! Это же золотая жила!

— ...а где они жить будут, эти туристы? В «Волжских террасах»? А старые гостиницы закроются...

— ...Полина, Полина Сергеевна!

Я обернулась. Ко мне спешила Фаина — покрасневшая, возбуждённая.

— Ну что? Что скажешь?

— Много вопросов, Фаина. И мало ответов.

— И я о том же! — она перешла на шёпот. — А Ремезов этот — ты заметила? Он всю Галину записывал. Каждое слово. Как будто досье составлял.

— Заметила.

— А знаешь, что ещё я заметила? — Фаина придвинулась ближе. — Он заходил в мой магазин на неделе. Купил батарейки. Я ему: «Вам какие, пальчиковые или мизинчиковые?» А он мне: «Любые. Быстрее». Даже не посмотрел на меня. Как будто я — автомат с батарейками, а не человек. И знаешь, что он спросил?

— Что?

— «Кто из местных особенно против застройки?» Ну, я и сказала: Галина. И Антон. И ты. А он так посмотрел... — Фаина поёжилась. — Нехорошо. Как будто запомнил. И в телефон что-то записал.

— В телефон?

— Да. Достал, набрал что-то, убрал. Даже не скрывал. Я запомнила.

Я посмотрела на Фаину. Она была встревожена — и это тревожило меня ещё больше. Фаина, прошедшая через войну, через перестройку, через девяностые, через все тихореченские бури, не тревожилась просто так. Если Фаина нервничала — значит, было от чего.

— Спасибо, Фаина, — сказала я. — Ты очень помогла.

— Я всегда помогаю, — она гордо выпрямилась. — Только ты поосторожнее с этим Ремезовым. И с Вершининым. Красиво говорят, но глаза — волчьи. Уж я-то волков повидала.

* * *

Ко мне подошёл мужчина — в очках, с фотоаппаратом на

шее и блокнотом в руках. Лет тридцати пяти, одет не потихореченски — городской, в хорошей куртке, с дорогим рюкзаком. Журналист — определила я сразу, по цепкому взгляду и привычке записывать на ходу.

— Полина Сергеевна? — спросил он. — Вадим Ребров, «Областной вестник». Я пишу серию материалов о застройке исторических центров в малых городах. Ваше Тихоречье — следующий в списке. Можно задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Ваш дом — «Рябиновый двор» — попадает в зону предполагаемой застройки?

— Попадает.

— И что вы намерены делать? Продавать?

— Нет. Не продам. — Я посмотрела ему в глаза. — Этот дом построил купец Рябинин в 1892 году. В нём жила моя бабушка. В нём жила моя мама. В нём живу я. Три поколения женщин. Это не просто стены. Это история. Разве такое продают?

Ребров быстро записывал — я заметила, что он почти не смотрел в блокнот, писал на ощупь. Привычка.

— А что вы думаете о самом Вершинине? — спросил он, поднимая глаза.

— А вы?

— Я спросил первый.

Я замаялась. Что я думаю о Вершинине? Что он обаятельный — да. Что его проект красив — да. Что он умеет го-

ворить — очень. Что я ему не доверяю — тоже да. Но как сформулировать это в двух словах?

— Я думаю, — сказала я медленно, — что он слишком хорошо говорит. Слишком гладко. Как будто всё уже решено, а мы здесь — просто зрители. Как будто наше мнение — декорация, а не часть процесса.

Ребров кивнул. Записал — на этот раз глядя в блокнот.

— Интересная формулировка. «Декорация». Я, пожалуй, запомню. — Он захлопнул блокнот. — Я буду в Тихоречье ещё неделю. Остановился в «Волжском уюте». Если узнаете что-то интересное — дайте знать. Я — за правду. Не за Вершинина, не за Галину, не за администрацию. За правду. Какой бы она ни была.

— Хорошо.

Он ушёл — быстрым шагом, в сторону набережной. Я посмотрела ему вслед. Ещё один человек, который задаёт слишком много вопросов. В Тихоречье таких не любили. Но в Тихоречье много чего не любили — а вопросы всё равно задавали.

* * *

Вечером на кухне «Рябинового двора» было тихо. Гости разошлись по номерам — пара из Самары рано легла спать (у них был режим), Майя ушла в мансарду рисовать октябрьский закат, Вершинин и Ремезов уехали на встречу с Zubовым. Я сидела за столом, перебирала в уме события дня.

Тимофей лежал на подоконнике, наблюдая за октябрьски-

ми звёздами. Окно было приоткрыто — с Волги тянуло холодом. Кот не возражал — у него была шуба. Я налила себе чай. Джем остывал в банках на столе — три партии, пятнадцать банок. Хватит на зиму. Если зима наступит.

Я думала о Галине. О её белом платке. О слове «устранить» на экране ноутбука Ремезова. О Козлове, который кричал, что разорится. О Вершинине, который слишком гладко говорил. О Реброве с его блокнотом и вопросами.

И вдруг услышала голос.

Он доносился из коридора второго этажа — приглушённый, но яростный. Ремезов. Он вернулся раньше Вершинина и теперь разговаривал по телефону. Я поднялась, подошла к лестнице.

— Я сказал — нет! — голос был тихим, но в нём звенело бешенство. — Ты не понимаешь, во что ввязался! Это не просто стройка! Это... — пауза. — Я не могу говорить. Я перезвоню.

Он осёкся. Услышал мои шаги? Или просто передумал? Я замерла на лестнице. Тишина. Только вода капала в ванной на втором этаже — кран у Майи подтекал, Антон обещал починить завтра.

«Не просто стройка». Не просто бизнес. Не просто проект. А что тогда? Что такого в этом проекте, что заставляет Ремезова кричать в трубку посреди ночи?

Тихоречье переставало быть тихим. И с каждой минутой — всё сильнее.

Я поднялась в мансарду, села на кровать. Тимофей пришёл следом, запрыгнул на подушку. Смотрел на меня жёлтыми глазами. Я гладила его и думала: завтра утром Ремезов опять пойдёт к Антону. И что-то подсказывало мне — на этот раз разговор будет серьёзное.

Глава 4. Чужой среди своих

Завтрак на следующий день был напряжённым. Не так, как в детективах — когда все смотрят друг на друга с подозрением и каждый боится, что его отравят. По-другому. Хуже. Как будто каждый думал о своём, и это «своё» было тяжёлым. Тяжёлым настолько, что давило на плечи и не давало разговаривать.

Я накрыла стол к восьми: каша, блинчики, джем в двух розетках, чай, кофе. В доме пахло выпечкой — тесто я поставила с вечера, и теперь кухня благоухала дрожжами и ванилью. Обычно гости сходились быстро, особенно пара из Самары — Семён Иванович любил поесть и не любил ждать. Но сегодня все задерживались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.